Илья и Сокольник (5)

На за́ставе жили бога́тыри.
Атаманом был Илья Муромец.
Недалеко от Киева, за двенадцать верст,
На заставе жили богатыри там.
Жили-хранили стольный Киев-град.
В атаманах был Илья Муромец,
В податаманьях — Самсон Колубанович.

(*Это как помощник, верно.*) А Алеша Попович был во писарях. А Василий Буслаевич... наверно,
поваром и был. А Мишка Торопанишко чашки-ложки мыл — повареночек... А Добрыня Никитич вроде
во конюхах что ли был. (*Так мне вспоминается.*) Добрыня Никитич был во конюхах. Вот как-то было
в одно время, може сам Илья вышел. Заметили там в чистом поле — не зверь бежит и не орел летит,
а будто остров колыбается, что-то тако. Все стали рассматривать вот тут его. Добрыню Никитича,
кажется, послали разведать, что там за бога́тырь. Добрыня Никитич ездил. Уехал, там Сокольник его,
алабыш насадил ему на руку. «Пускай, говорит, вами, г<овнами>, не заменяется, самому, говорит, ему
с нами не поправиться». Вот тут и закипело у Ильи ретиво сердце: «Давай, сряжайте!» Коня вот тут
оседлали. Уздали коня да со семи цепей да со восьми ремней.

Поехал Илья. Не видно было поездки молодецкой, только видно было: во чистом поле курева́ стоит,
так покатил.

Ну вот, с Сокольником они тут встретились. Он спрашивает: «Если русский богатырь, то поворот
даю, а не русский богатырь, напуск держу». А он с ним не разговариват. Потом все-таки Илья ругаться
стал. «Ты, говорит, нас, молодцов, ничем не имеешь, ворона ты пустопёрая, сорока загумённая». Ругать

его стал, этого Сокольника. Вот они тут и схватились. (*Копья взяли, кажется, что ли.*) Копья издержались,
не ранили друг дружку, не кровавили. Бросили тот бой на сыру землю, а саблями начали. Сабли тоже
исщербались, изломались и тоже не ранили. И тот бой бросили. Тогда схватились в рукопашиий бой.
(*Вот, кажется, этот...*) Да у Ильи одна нога поскользнулась, друга подвернулась как-то тут. Там
говорится еще, что бахвальное слово его попутало, из-за этого-то он и упал. И вот Сокольник заскочил
ему на белы груди и хочет пороть белы груди. А тот взмолилса ко святой Богородице: «Я, говорит, стоял
за веру православную, за веру русскую». Там вдвое-втрое у старóго силы прибыло. Сбросил он Сокольника
со белой груди и вскочил ему на черны груди, и хочет его пороть. А у него рука застоялась, не мог.
На три раза и всё не мог.

Тогда он стал его расспрашивать: «Какого ты роду-племени?» Все, да. Ну и потом они разъехались.
Разъехались, дак вот Сокольник отъехал, матерь убил свою. Она тоже его спрашивала. «Видал, говорит,
там стару коровушку базыкову. Он, говорит, тебя бл<ядко>й зовет, а меня выблядком». Убил её
и поехал. Этого старика хотел убить. Но будто бы не мог убить. Ну это вот, копьем его шаркнул,
да в крест попал... Илья спросонок вскочил, его стукнул. На одну ногу ступил, другу óторвал, на одну
руку ступил, другу óторвал. Привязал за хвост коню да отправил в чисто поле. (*Тут, наверно, и конец
у них, что ли.*)

(Зап. Коробушкиным И. В.: лето 1980 г., д. Новый Бор Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Василия Пафнутьевича, 77 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.